

Пока Хань Цинсюэ размышляла об этом, подошел ее брат Хань Юэчжун. Он шёл слишком поспешно, и явно был встревожен и раздражен. В своих мыслях он проклинал Хань Сяня.

Хань Сянь с трудом мог предположить, что он случайно проходил мимо.

Хань Юэчжун не знал, что его уже раскрыли. Он сделал вид, что случайно увидел Хань Цинсюэ и Хань Сяня в павильоне, он застыл, казалось бы, очень удивленный, прежде чем подойти. Похоже, у него талант к исполнительству, мог бы быть актером.

После того, как Хань Юэчжун подошел к павильону, он улыбнулся и сказал: "О чем говорят сестра и третий брат? Все в порядке?"

После того, как Хань Сянь возродился, он всегда восхищался людьми, которые с открытыми глазами и спокойно говорят глупости. Так что теперь, он одобрительно смотрел на Хань Юэчжуна. Нелегко говорить такие теплые слова, жалуясь в душе, что Хань Цинсюэ праздна и влезла в историю.

Хань Цинсюэ вздохнула с облегчением из-за прихода Хань Юэчжуна. Хань Сянь поддержал разговор: "Просто поговорим об случившемся. Если двоюродные братья семьи что-то натворят и будут осуждены, это отразится на всей семье. Репутация семьи для девушки особенно важна. Это может разрушить ее надежды на хороший брак. Знаете у менч вызывает беспокойство двоюродный брат Хэ Фан, который был ранен и выглядит жалко. Я не всегда могу держать свои мысли при себе перед императором. Однажды я выскажу свои опасения. Может быть, император женит его или найдёт другой выход, все будут счастливы. Возможно, император вообще решит взять заботу о браках в семье Хань."

Как только Хань Сянь сказал это, лицо Хань Цинсюэ мгновенно побелело, и страх продолжал распространяться из глубины ее сердца. Она поняла, что Хань Сянь говорил ей. Он небрежно упомянет ее имя в присутствии императора, в негативном ключе и тот запомнит. Когда наложница Сянь упомянет о ее браке с Цзи Хуаем, император может воспротивиться.

Хань Юэчжун был совершенно спокоен. Он слегка улыбнулся и не принял слова Хань Сяня близко к сердцу. Вместо этого его тон был слегка фальшивым и немного торжественным: "Третий брат, старшая сестра, сейчас, с нами. И нам, как младшим, не стоит говорить такие вещи."

Сказав это, Хань Юэчжун посмотрел на Хань Цинсюэ, которая выглядела очень плохо, и сказал: "Сестра, я только что вышел с нашего двора. Мама ищет тебя. Она сказала, что не смогла найти этюд, который ты нарисовала для нее позавчера. Я прошу тебя вернуться и нарисовать для нее еще один рисунок."

Хань Цинсюэ хотела последовать словам Хань Юэчжуна, встать и спокойно уйти. Но, когда Хань Сянь посмотрел на нее с улыбкой, Хань Цинсюэ почувствовала, что она вообще не может встать.

Хань Сянь сказал с улыбкой: "Сестра, если тебе есть чем заняться, иди, я тебя не держу."

Хань Цинсюэ натянуто улыбнулась, встала и ушла.

После этого, Хань Юэчжун посмотрел на Хань Сяня, который выглядел очень спокойным. Думая о грустном виде отца и матери этой ночью, он не мог не сказать: "Третий брат, в любом случае, мы семья. Это важно. Не пытайся разрушить дом Хань. Ты совсем не думаешь о последствиях своих поступков. Ты когда-нибудь думал о том, что доброта императора может исчезнуть в будущем? На кого ты сможешь положиться?"

Хань Сянь удивленно посмотрел на Хань Юэчжуна, который говорил эти поучительные слова, а затем тихо рассмеялся. После того, как Хань Юэчжун начал ерзать, а его глаза начали болеть, Хань Сянь прекратил смеяться.

Он насмешливо сказал: "С какой точки зрения ты сказал мне все это?"

Лицо Хань Юэчжуна ничего не выражало, Хань Сянь встал, посмотрел на горы вдалеке и продолжил: "Почему ты беспокоишься о том разрушу я дом Хань или нет? От предков до настоящего времени было бесчисленное множество членов семьи Хань, которые покинули этот дом. Теперь отношения с ними сошли на нет, хотя они все еще кровные родственники, все по фамилии Хань. Но некоторые богаты, а другие опустились.

Человек, который является владельцем дома Хань, живет в нем. Остальные в определённый момент, должны покинуть его и читать просто людьми по фамилии Хань. Так, какое отношение имеет к ним устоит ли дом Хань? Или людям просто нравится пытаться заполучить вещи, которые не должны им принадлежать? Ты действительно считаешь себя будущим императорским родственником и думаешь изменить судьбу первого дома? Это жадность, или мечта наяву? Разве ты не боишься быть таким бесстыдным? Это действительно смешно." (Вообщем, он обвиняет братца, что тот хочет прихватить дом, обойдя право наследования первой семьи, полагаясь, что его сестра выйдет замуж за будущего императора.)

Хань Юэчжун покраснел, когда Хань Сянь разложил все так безжалостно. Преступление, подразумеваемое в словах третьего брата, было слишком велико, даже если бы у него была такая мысль, он не осмелился признать это сейчас.

Поэтому он встал, изо всех сил стараясь сдержать гнев в своем сердце, и приготовился спокойно попрощаться с Хань Сянем. Но тут прибежал Ань Цао.

Ань Цао воскликнул: "Шидзи, прибыл указ королевы-матери! Шидзи надо подойти и принять его."

Хань Сянь вышел из павильона. Когда он проходил мимо Хань Юэчжуна, тот даже не удостоил этого человека взглядом. Хань Юэчжун сильно покраснел, но в конце концов последовал за ним.

Когда в главный зал прибыли Хань Сянь и Хань Юэчжун, все остальные члены семьи Хань в основном уже были там.

Хань янь огляделся, но Хань Сю не было. Зная мысли старой госпожи и других людей, он усмехнулся в своем сердце, но не показал этого.

Евнух, из дворца королевы-матери, который пришел объявить указ, увидел, что появился Хань Сянь, и начал читать.

В начале указа, королева-мать прямо сделала выговор Хань Сю за недостаток женственности, грубость и порочный ум. Согласно указу, Хань Сю должна получить сто ладоней (пощечин) и двадцать палок. Далее говорилось, что старая госпожа плохо учила свою дочь, и что королева-мать надеется, что это изменится в будущем. В конце королева похвалила Хань Минчжу, но чувствуя огорчение из-за того, что та провела на границе много лет и плохо понимает обычаи столицы, она даст ей заботливую наставницу.

Указ королевы-матери был достаточно сдержан. Из-за него репутация семьи Хань в будущем могла пострадать, но последние слова королевы, сказанные Хань Минчжу, означали, что из плохих побегов бамбука растут хорошие. Поэтому это было наименее вредно для ее репутации.

На самом деле, из-за этого указа император не спал почти всю ночь. Если бы он решил сам упрекнуть Хань Сю, преступлением была бы попытка убийства наследника Хань. Преступление было бы чрезвычайно отвратительным, и требовало приговора к смерти. Но сложно было бы это доказать. Указ противоречил бы чувствам и разуму, и убедить общественность было бы нелегко. К тому же Хань Сянь намекнул на родство с императорской семьей, это тоже было важно...

Но император не хотел отпускать семью Хань. Подумав об этом, он намекнул королеве-матери о проблеме, и тогда получил такой указ. В любом случае, император чувствовал, что он придает Хань Сяню злую ауру.

После того, как Фу Ци зачитал указ королевы-матери, он посмотрел на старую госпожу и спросил: "Где ваша дочь Хань Сю? Почему она до сих пор не вышла вперед, чтобы принять указ? Вы не довольны волей королевы-матери?"

Когда пожилая дама услышала это, она поспешно сказала: "Евнух, прости меня. Вчера моя дочь упала в озеро, и ночью у неё поднялся сильный жар. Теперь она не может встать с постели ..."

"Старая госпожа имеет в виду, что Хань Сю не может прийти, чтобы получить наказание сегодня?" Лицо Фу Ци вытянулось, как только он услышал это: "Вы намерены проигнорировать указ вдовствующей императрицы?"

Пожилая дама поспешно сказала: "Это не так, евнух, пожалуйста, позаботься об этом ..."

В этот момент Хэ Фан с перевязанной раной на голове сделал шаг вперед вместе с Хэ Ючжу. Они опустились на колени перед Фу Ци и девушка сказала со слезами на глазах: "Моя мать серьезно больна, и она действительно не может выполнить указ. Я готова понести наказание за свою мать."

Хэ Фан повторил те же слова со слезами на глазах.

Это то, о чем старая госпожа и остальные обитатели задней части дома думали всю ночь. Если это будет указ императора, Хань Сю умрет. Если же указ королевы-матери, то, по мнению старой госпожи, еще есть место для маневра. Это более вероятно, потому что, в конце концов, нет никаких убедительных доказательств.

Маневр же заключался в том, что они скажут, что Хань Сю была серьезно больна. Если бить ее, то это было не наказание, а казнь, что противоречит указу королевы-матери. Когда Хэ Ючжу и Хэ Фан выйдут вот так, они покажут сыновнюю почтительность. Те, кто придут выполнить указ, не посмеют наказать их без согласия вдовствующей императрицы.

Во время этой просьбы Хань Сю плакала бы, не желая, чтобы ее собственные дети стали козлами отпущения, и она была бы готова понести наказание на свое больное тело. Это тоже подняло бы ее репутацию, как заботливой матери. Королеве-матери пришлось бы быть щепетильной, и наказание, естественно, было бы легче.

Старая госпожа хотела играть сердцами людей, опираясь на сыновью почтительность. Однако она не правильно истолковала благословение и недооценила значение этого указа. Это причина, по которой Хан Сянь усмехнулся.

Если бы это был просто указ королевы-матери, возможно, что все так и было бы. Но этот указ был издан после того, как император сообщил о своих собственных намерениях.

Этот указ - это то, что хотел император. Королева поняла, поэтому, евнуху, объявляющему её приказ, были даны специальные указания, на случай во таких "маневров", чтобы император остался доволен.

Из-за Хань Сяня император, который в последние годы редко заходил в гарем, стал чаще видется с матерью, и он стал немного беспокоиться о четырех принцах, которые ранее почти не замечал. Королева-мать в глубине души была благодарна Хань Сяню за это.

Поэтому, когда Фу Ци услышал, что сказали Хэ Ючжу и Хэ Фан, он посмотрел на старую госпожу с насмешкой и сказал: "Поскольку дети семьи Хэ такие сыновние, то старый раб выполнит их просьбу."

После этого Фу Ци посмотрел на Хэ Фана и Хэ Ючжу и сказал: "Поскольку Хань Сю виновна, пусть ее дочь выйдет вперед и понесет наказание."

Когда Хэ Ючжу услышала это, она резко подняла голову. Она посмотрела на Фу Ци с отсутствующим выражением лица. Когда надзирательница внутренней тюрьмы шагнула вперед, чтобы схватить ее, Хэ Ючжу посмотрел в сторону старой госпожи со слезами на глазах.

Ее глаза были полны страха, дело развивалось совсем не так, как ей рассказывала бабушка. Та сказала, что она сможет не только спасти жизнь своей матери, но и иметь репутацию почтительной дочери.

Пожилая дама шевелила губами, наблюдая за колебаниями надзирательницы, ее лицо выглядело уродливым, в конце концов, она признала, что она ошиблась, и втайне злилась, почему она не позволила Хань Сю прямо выйти, чтобы признать себя виновной. Но жаль, было слишком поздно.

Когда Хэ Ючжу была прижата к земле, а злобная надзирательница подошла к ней и собиралась начать бить ее по лицу, появилась Хань Сю. Она подбежала, опустилась на колени и закричала: "Прекратите!"

Фу Ци с усмешкой взглянул на старую госпожу, затем посмотрел на Хань Сю и сказал: "Разве вы не говорили, что она не может встать из-за болезни?"

<http://bllate.org/book/13913/1226120>